

Юрий СЛЕПУХИН

КРУШЕНИЕ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ¹

Аннотация: Впервые на родине публикуется статья Ю. Г. Слепухина из газеты «Новое русское слово». Статья посвящена кризису в Национально-Трудовом Союзе — одной из наиболее активных эмигрантских групп эпохи холодной войны. Автор показывает причины разногласий внутри данной организации.

Ключевые слова: Русская эмиграция, Ю. Г. Слепухин, Национально-Трудовой Союз, НТС, солидаризм.

Annotation: This article by Yu. G. Slepukhin published in the newspaper 'Novoe Russkoe Slovo' is republished in Russia for the first time in this volume. It is devoted to the crisis in the National Labor Union (Natsional'no-Trudovoy Sojuz), one of the most active émigré groups during the Cold War. The author shows the reasons of conflicts in this organization.

Keywords: Russian emigration, Yu. G. Slepukhin, National Labor Union, NTS, solidarity.

Январские события, приведшие к окончательному расколу Национально-Трудового Союза российских солидаристов, не явились неожиданностью для тех, кто был знаком с внутренним положением самой значительной из политических организаций, когда-либо существовавших в Зарубежье.

«Франкфуртский путч» 28.1.55² завершил собой долгий процесс

¹ Печатается по тексту: *Слепухин Ю.* Крушение одной концепции // Новое русское слово. 1955. 26 апр. С. 2–3.

² Сам Ю. Г. Слепухин ставит слово «путч» в кавычки, в чем сказывается его положительное отношение к действиям председателя НТС В. М. Байдалакова. Б. В. Прянишников так описывал эти события: «... в январе 1955 года Байдалаков попытался устроить своего рода “дворцовый переворот”. Он назначил временное Исполнительное бюро в составе членов Совета В. Д. Поремского, М. Л. Ольгского и А. Н. Неймирока, но все трое отказались войти в такое бюро. Тогда Байдалаков назначил новый состав из оппозиционеров: Г. Я. Киверова, Е. Е. Поздеева, Г. Г. Кругового и Б. Б. Мартино. 28 января Байдалаков обратился к членам Союза с письмом, в котором призывал созвать общесоюзный съезд, чтобы “вынести на его решение все волнующие нас вопросы и покориться его

внутренней дезинтеграции Союза, начавшейся с окончанием военного периода его деятельности.

Агония длилась почти десять лет. Сегодня, когда мы стали свидетелями ее трагического завершения, когда уже ничего нельзя спасти умолчанием, — настал час открыто поговорить о причинах и попытаться сделать неизбежные выводы. Считая, что значение данной темы выходит далеко за пределы организационных кадров НТС, я взял на себя смелость выступить с ней перед более широкой аудиторией. Заранее предвижу обвинения в некорректности со стороны бывших сотрудников по организации; могу лишь сказать, что опубликовать эту статью меня побудили мотивы гораздо более веские, чем желание бежать с тонущего корабля и выступить с сенсационными разоблачениями внутрипартийных тайн.

Десять лет назад для солидаристов окончился героический период «Третьей Силы» — борьбы на два фронта на оккупированных немцами российских землях³. Стоивший Союзу больших жертв, понесенных его старыми кадрами, этот период дал организации драгоценное пополнение новыми людьми из СССР и, что наиболее важно, поднял на огромную высоту ее моральный престиж — престиж первой в мире революционной организации, которая, борясь против режима внутри страны, с началом внешнего конфликта не заняла пораженческой позиции, не стала на сторону врага.

авторитету"... Однако реальная сила была в руках группы Островского. Большинство Совета, по подсказке Островского и его ближайших сторонников, приняло поистине ленинское решение, опиравшееся на резолюцию осенней сессии Совета 1954 года: "Союз не может и не должен терпеть в своем составе связанных фракционной дисциплиной групп". По выражению Исполнительного бюро, "В. М. Байдалаков пытался узурпировать верховную власть в Союзе". В течение 1955 года происходило размежевание членов НТС на две группировки. Одна из них признавала законным руководство в Франкфурте, а другая — временное Исполнительное бюро в Мюнхене" (*Прянишников Б.* Новополенцы. 1-е изд. Силвер Спринг (Мэриленд, США), 1986. С. 275–276).

³ Здесь Ю. Г. Слепухин воспроизводит концепцию НТС о якобы существовании т. н. «третьей силы» в годы Великой Отечественной войны, представленной РОА и связанными с ней структурами, которые, по заявлениям руководства солидаристов, боролись «против Сталина и Гитлера».

Чтобы понять все значение выброшенного в 1941 году лозунга «Ни немцев, ни большевиков», всю его моральную притягательность, нужно вспомнить, что всегда и везде политическая эмиграция с началом войны начинала открыто работать на поражение своей страны (с ее точки зрения — на поражение режима). Одни делали это с оружием в руках, в чужом мундире, как французские аристократы в войсках коалиции, как русские — в немецком Шутцкоре⁴; другие, как Ленин, писали пораженческие статьи, духовно подрывая боеспособность своей родины. Не хочу спорить о том, насколько целесообразна такая позиция с точки зрения реальной политики, — это зависит от многих факторов, одних она привела к триумфу, других запятнала клеймом измены, ничего не дав в утешение⁵. Интереснее моральная сторона этого явления. Я отлично знаю, что всякая эмиграция в таких случаях руководится по-своему понимаемым патриотизмом; верю, что даже под немецким мундиром билось много настоящих русских сердец, что люди брали в руки немецкое оружие с искренним желанием сделать его оружием русской свободы. И, несмотря на все это, для меня бесспорно одно — с точки зрения обычной человеческой морали, пораженческие действия эмигранта представляют собой вещь очень и очень сомнительную. Кроме того, пораженчество неминуемо воздвигает духовную преграду между эмиграцией и народом, который — с большей или меньшей охотой — дерется с внешним врагом, почти всегда забывая на время о своих внутренних неурядицах.

Все это учитывало союзное руководство, оказавшееся в июне 41-го года перед дилеммой, от которой зависела будущность орга-

⁴ Ю. Г. Слепухин имеет в виду «Русский охранный корпус» (на немецком «Russisches Schutzkorps Serbien») (1941–1945) — военизированное формирование германской армии из русских эмигрантов в Югославии, созданное генералом М. Ф. Скородумовым и вскоре возглавленное генералом Б. А. Штейфоном. Возможно, речь идет и о балтийском ландесвере (фрайкоре) — добровольческих вооруженных формированиях, действовавших на территории Прибалтики (1918–1920), где действительно служили русские добровольцы, — который часто неверно называли шюцкором, или шюдскором («подразделением охраны») — подразумевая добровольную военизированную организацию в Финляндии.

⁵ Автор имеет в виду, с одной стороны, победу большевиков в революции и Гражданской войне, с другой — поражение и позор т. н. власовцев.

низации. В результате возникла Третья Сила — первая попытка подчинить политику этическим нормам, стереть границу между двумя типами морали: политической и обычной, христиански-человеческой. НТС хотел прийти на Родину чистым, не запятнанным сотрудничеством с врагом, — и именно таким он пришел, и именно так был он принят теми, кто получил возможность контакта с союзными пропагандистами на Украине, в Белоруссии, в Псковщине и Смоленщине. Сочетание антикоммунизма с антифашизмом особенно привлекало к Союзу сердца советской молодежи, которой оба лика тоталитарного Януса были одинаково ненавистны.

Словом и делом проповедуя «новый стиль» в политике, Союз все больше проникался сознанием своей новаторской миссии, оформившимся еще в довоенный период идеологического становления. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно это сознание придавало Союзу его специфический «орденский» характер, делавший его столь непохожим на прочие организации. Союзники, уходившие в 41-м году на Восток, чувствовали себя миссионерами в полном смысле слова. Разумеется, это чувство есть у пропагандиста любой партии, — но одно дело ратовать за избирательные права для женщин или требовать уменьшения подоходного налога, а другое — принадлежать к Ордену, призванному совершать революцию духа, принести в мир новые формы человеческих отношений, построить Новый Строй — социальную проекцию христианства...

Приблизительно так понимал задачи Союза его кадр довоенного периода. Война принесла с собою героическую романтику подполья, усилила чувство локтя, придала внутрисоюзным отношениям особый характер фронтового товарищества. Оставаясь партией-орденом⁶, Союз стал братством — братством людей, спаянных общей опасностью, которая грозила и со стороны Гестапо, и со стороны агентов, оставленных в немецком тылу Наркомвнуделом. Непрерывающиеся идеологические поиски, как и пропагандная деятельность, требовали высокого уровня знаний, знакомства с вопросами философии,

⁶ Популярная в среде Первой волны русской эмиграции идея создания идеократической партии с четкой иерархией единомышленников.

политической экономии, социологии, — отсюда еще один аспект союзной деятельности, академический. К концу войны и в первые послевоенные годы окончательно выкристаллизовалась новая и очень смелая концепция политической организации нового типа, совмещающей в себе особенности и положительные качества боевой революционной партии, академии, идеологической школы и духовного ордена, все братья которого одержимы идеей построения нового общественного порядка, идеей моральной перестройки самих себя и окружающего мира.

Сегодня можно по-разному оценивать этот замысел — сплавить воедино столь разнохарактерные вещи, но несомненно одно: именно его дерзость, его революционная новизна в свое время привела в НТС многих людей, убежденных в необходимости радикально изменить всю систему общественных взаимоотношений нашего времени и сознающих всю бесплодность попыток сделать это старыми методами политической борьбы, с ее специфической «моралью» и беспринципностью, с ее лозунгами — «Цель оправдывает средства» и «Политику не делают в белых перчатках».

Для этих людей выход из тупика мыслился только в форме нахождения абсолютно новых путей; естественно, что мы, своими глазами видевшие события сороковых годов, не могли больше доверять тем путям, которые привели христианское человечество к винницким и катынским рвам и крематориям Майданека и Освенцима, к насильственной репатриации, к экспериментам в Хиросиме⁷ и Нагасаки⁸.

НТС был в те годы единственной организацией, прокладывавшей новые пути к новому миру, и он был силен как никогда — не числом выданных партбилетов и не иностранными субсидиями; он был силен фанатической верой своих членов, их духовным горением. Для характеристики настроений союзного кадра того периода приведу отрывок стихотворения очень популярного в свое время среди молодых членов организации:

⁷ В оригинале: *Хирошима*.

⁸ По свидетельству Н. А. Слепухиной, вдовы писателя, Ю. Г. Слепухин считал уничтожение японских городов экспериментом с целью запугать бывших союзников США во Второй мировой войне.

... Мы не герои, мы только борцы,
Полные жгучей веры,
Мы революции кровавый цикл
Вытесним новой эрой.
Еслиж захочет кто мир распять
Атомным расщеплением —
Мы повернем историю вспять,
К атомному сцеплению!..

В этих немногих строчках — налицо все элементы мессианского сознания: «жгучая вера» и предвиденье смены эпох («эонов» по Шубарту⁹, популярность которого среди нас была огромной) и даже непоколебимая уверенность в собственном умении вертеть историей, как рулем велосипеда... Наивно? — разумеется, но наряду с наивностью в этом было очень много молодого горения, много энтузиазма и неподдельной жертвенности — всего того, что всегда играло такую решающую роль в революционных движениях прошлого и будет — в будущем. Пока не исчезнет в мире само понятие «революция» — все они будут совершаться руками наивных юнцов, мечтающих о новых эрах.

Естественно, что настроения такого высокого накала могли возникнуть и поддерживаться только в среде членов организации, поставившей перед собой соответствующе высокие задачи. Союзники понимали, что никакими дворцовыми перево<р>отами не улучшить мира; выход они видели только в одном — в духовной перестройке общества, в «революции духа», и всю деятельность организации рассматривали под этим углом зрения. Уничтожение советской

⁹ Шубарт Вальтер (Schubart, Walter; 1897–1942) — немецкий философ и публицист, доктор юридических и философских наук, русофил. Был женат на эмигрантке из России Вере Марковне Энглерт (в девичестве Берман). После прихода к власти в Германии нацистов эмигрировал в Латвию. В 1938 в швейцарском издательстве «Vita Nova» (Люцерн) вышла его первая большая книга — «Европа и душа Востока» (“Europa und die Seele des Ostens”). По-русски книга «Европа и душа Востока» трижды выходила под эгидой НТС в сокращенном переводе В. Д. Поремского в Германии (лагерь Вустрау, 1943; лагерь Менхгоф: Посев, 1945, Лимбург: Посев, 1947) и часто цитировалась солидаристами. В июне 1941 В. Шубарт был арестован НКВД и умер в Казахстане в лагере для военнопленных 15 сент. 1942.

государственной системы мыслилось нами не как самоцель, а лишь как первый шаг к построению нового преобразованного мира. Курс политической подготовки, обязательный для каждого вступающего в НТС, открывался темой: «Мировой духовный кризис и пути его преодоления»¹⁰. Это отнюдь не значит, что наряду с этим в учебных звеньях не корпели над такими вещами, как техника конспирации, шифровальное дело, тактика вооруженного восстания и методы проникновения во враждебную среду; психологически всякий союзник был готов к тому, что на пути к осуществлению высоких идей ему придется пройти через кровь и грязь «прямого действия», но вся система воспитания молодых кадров сводилась именно к созданию такого типа революционера, который сумел бы в любой ситуации остаться человеком, не превратиться в душевно опустошенного террориста-профессионала.

Новые пути требовали нового типа организации, а она, в свою очередь, нуждалась в новом человеке. Этот новый человек должен был создаваться путем длительной обработки и созревания в соответствующей среде; естественно, что первым условием успеха было наличие в обрабатываемом соответствующих душевных и духовных данных. Без них весь процесс обработки (воспитания) сводился к бессмыслице — как говорил еще Суворов, «безверное войско учить, что пережженное железо ковать»¹¹. В предвоенный период дело приема в Союз новичков было строжайше подчинено принципу качественного отбора. Во время войны, естественно, от него пришлось несколько отступить; союзные работники встретились на оккупированных землях с малознакомым (знакомства теоретического оказалось недостаточно) психологическим типом, относительно ко-

¹⁰ Для эмигрантской молодежи, желающей вступить в НТСНП, в 1930-е издавались курсы «Национально-политической подготовки» (конспекты НПП). Из-за цвета мягкой обложки они получили неформально-шутливое название «зеленые романы». В 1937–1939 вышли 1-я («Основы национального мировоззрения»), 3-я («Социальная, экономическая и политическая жизнь») и 4-я («Исторический отдел») части. По воспоминаниям Б. В. Прянишникова, планировались также 2-я («Основы народного хозяйства») и 5-я («Национально-Трудовой солидаризм») части.

¹¹ Более известный вариант фразы А. В. Суворова: «Безверное войско учить, что перегорелое железо точить».

торого трудно было сказать, насколько он соответствует тому, что в Праге или Белграде привыкли называть «союзным духом». Кроме этого, понятно было желание наших людей познакомить с Союзом как можно большее число россиян. Обобщенно говоря, в 42–43 гг. в России принимали в организацию всякого, кто выражал к тому желание; проверялось только, нет ли здесь опасности провокации со стороны Гестапо или НКВД.

Как уже сказал, из войны НТС вышел с бесспорным положительным балансом. Семена идеи были брошены в родную почву и уже кое-где успели дать всходы, ряды эмигрантской организации пополнились вчерашними комсомольцами и представителями молодой советской интеллигенции, сразу же нашедшими общий язык и полное взаимопонимание с сыновьями и младшими братьями участников Ледяного похода¹², а часто и с самими участниками. Правда, в гестаповских застенках и просто от бомб на дорогах войны погибло много ценнейших работников Союза, и «старых», и «новых», но дело, за которое они гибли, оказалось жизненным и имеющим все шансы на победу.

Сейчас трудно — да и не к чему — искать непосредственных виновников, копаться в прошлом в поисках рокового «поворотного момента». Несомненно, что успех работы на оккупированных российских землях ударил в голову некоторым руководителям, заставив их переоценить как силу и способности организации, так и степень готовности масс к восприятию идей солидаризма. В январе 1949 г. Совет Союза принял «историческое решение» о переориентировке всей деятельности непосредственно на подготовку революции в СССР. Было объявлено о начале революционного наступления; В. Д. Поремский¹³ выступил с новой и чрезвычайно интересной теорией неуловимой организации т.н. называемого молекулярного типа;

¹² Ледяной, или Первый Кубанский, поход (9 (22) февр. — 30 апр. (13 мая) 1918) — первый поход Добровольческой армии на Кубань (ее движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон, в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны, ставший символом героизма Белого движения.

¹³ Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997) — представитель Первой волны эмиграции, инженер-химик по образованию, публицист, идеолог солидаризма, создатель «молекулярной теории», председатель НТС в 1955–1972.

вся внутрисоюзная печать забила в барабаны — «Молодежь — на фронт! Всё для фронта! Слушайте поступь Революции!» И именно в этот момент раздался первый тревожный сигнал, предупреждавший о глубокой трещине в теле организации, казавшейся до этого несокрушимым идейным монолитом.

Союз, справедливо гордившийся единомыслием своих членов, никогда не старался привить им однообразие мысли, с полным основанием видя в нем начало всякого тоталитаризма; поэтому во внутрисоюзной печати никогда не прекращались оживленные дискуссии по самым разнообразным вопросам идеологии, революционной тактики и стратегии, внутренней работы и т. п. Однако дискуссия¹⁴, вспыхнувшая в 49 году между А. С. Световым¹⁵ и доктором философии С. А. Левицким¹⁶, по своему значению далеко выходила за пределы обычного спора между единомышленниками.

Здесь привычный «духовный» взгляд на цели и методы НТС, защищаемый автором «Основ органического мировоззрения»,¹⁷ впервые подвергся прямой атаке со стороны нового, утилитарно-позитивистического течения союзной мысли. Формально Светов обвинил Левицкого в попытке заковать Союз в цепи «целостного мировоззрения», ограничить духовные горизонты солидаризма узкими рамками христианского православия и, таким образом, подменить конкретные политические цели борьбы туманной мистикой поисков «града Божия». Нельзя, заявил он, строить реальную политику только на христианской основе и нельзя вообще строить ее на базе какой-то

¹⁴ См.: Светов А. С. Солидаристы и солидаризм // Воля (Лимбург). 1949. № 3. С. 26–38; Левицкий С. А. Программа и мировоззрение // Там же. С. 39–47; Светов А. С. Программа и мировоззрение: ответ на ст. С. А. Левицкого // Там же. № 4. С. 58–61. Также была напечатана ст.: Х. За правду народную: о ст. А. С. Светова // Там же. С. 52–54.

¹⁵ Светов Александр Семенович (наст. фам. Парфенов; 1895–1961) — представитель Второй волны эмиграции, журналист, инженер по образованию, главный редактор издательства и газеты «Посев» в 1946–1947.

¹⁶ Левицкий Сергей Александрович (1908–1983) — философ, литературовед, публицист, идеолог солидаризма.

¹⁷ См.: Левицкий С. А. Основы органического мировоззрения: с предисл. автора. Менхегоф: Посев, 1946.

определенной философской идеи, потому что идей и религий много и всем не угодишь. Все дело НТС, по Светову, сводится к борьбе «во имя ясных политических установок». Он пишет: «Союз стремится лишь выяснить волю большинства населения и предлагает поэтому свою программу государственного устройства, за которую ее члены ведут борьбу». Трудно представить себе бóльшую слепоту, большее непонимание стоявших перед нами задач!

Точка зрения д<окто>ра Левицкого — и всех тех, кто, как я сказал выше, пришли в организацию в поисках новых путей, — сводится по существу к следующему заявлению, сделанному им в ответе А. С. Светову (обе статьи были напечатаны в номере 3 идеологического органа НТС «Воля»¹⁸ за 1949 год¹⁹): «Солидаризм, лишенный глубинного метафизического базиса, стал бы плоским и бескрылым. И солидаризм, лишенный религиозного оправдания, оторванный от божественной Истины, потерял бы в конце концов веру в свою человеческую правду. Союз должен не п<р>испосабливать свои<x> идей к потребностям масс (это тоже дело важное, но уже вторичное, “педагогическое”), а облагораживать эти потребности и сам вести массы». И в той же статье говорится: «Мне даже кажется, что А. С. Светов больше заинтересован в успехе и, главное, в популярности союзной идеологии, чем в истине. Именно это равнодушие к истине представляется мне весьма опасным уклоном. Я пойду еще дальше и осмелюсь утверждать, что равнодушие к истине и исключительная забота об “успехе” и “доходчивости” могут иногда принести временный успех, но в конечном балансе способны скорей погубить дело Союза, чем принести ему истинную пользу. Движение, лишенное веры в свою идею, будет иметь короткое дыхание и вряд ли выдержит испытание временем».

Сегодня мы видим, насколько пророческими были эти слова, сказанные шесть лет тому назад. «Равнодушие к истине и исключи-

¹⁸ Журнал «Воля», имевший подзаголовок «вестник российских солидаристов», выходил во Франкфурте-на-Майне в 1947–1953 и 1960–1991. Редакторы: А. И. Данилов (1947–1953), А. Н. Артемов (1961–1965), В. М. Рыбаков (1965–1991).

¹⁹ См.: Светов А. С. Солидаристы и солидаризм; Левицкий С. А. Программа и мировоззрение.

тельная забота об успехах», развиваясь и совершенствуясь, сделали возможной, в частности, сегодняшнюю непристойную саморекламу на страницах «Посева», от которой бросает в краску стыда многих солидаристов: эта же самая забота объясняет тот самый неприятный демагогический душок, которым все чаще начинают отдавать многие союзные выступления, — ничего подобного раньше в Союзе не было. Полностью оправдалось и пророчество относительно короткого дыхания — испытания временем НТС уже не выдержал. Раскол между «деловиками»²⁰ (сторонники Светова) и «духовниками»²¹, постепенно углубляясь, из области метафизики и социологии перешел в область повседневной работы, в конце концов сделал практически невозможным всякое сотрудничество двух групп. Это и понятно — дело здесь не в упрямстве тех и других, не просто в стремлении поставить на своем. Необходимо помнить, спор шел о глубинной сути солидаризма, о смысле существования. То, что предлагал Светов и его единомышленники, убивало по существу всю стройную до того систему солидаристского мышления, превращало ее в бессмысленный набор высокопарных фраз и понятий. Вся предыдущая идеологическая работа Союза, все его творческие искания зачеркивались Световым одним взмахом пера. В самом деле, стоило ли 15 лет думать о путях преодоления мирового духовного кризиса, если все дело сводится к тому, чтобы выявить волю населения, на основании этой воли составить конкретную программу государственного устройства и бодро, безо всякой философии взяться за борьбу во имя ясных политических установок? Естественно, что «духовники» не могли принять такой точки зрения, ибо она утверждала именно то, против чего мы столько времени боролись: возврат к прежним методам, уход с прямой дороги высокой политики на запутанные тропинки мелкого и не всегда чистоплотного политиканства. С другой стороны, и «деловики» не могли примириться с противоположными взглядами,

²⁰ «Деловики» предлагали сосредоточиться на агитационно-пропагандистской и информационной деятельности, налаживать контакты с оппозицией в СССР и не останавливаться даже перед террористическими актами.

²¹ «Духовники» — сторонники идеологической работы, предлагали сосредоточиться на создании новых философских концепций, способных опровергать теорию и практику коммунизма.

в которых они не видели ничего, кроме безудержного максимализма, высокомерного пренебрежения к насущным задачам и непонятной им мистики. Все они совершенно искренне считали и продолжают считать, что политика — одно, а философия — другое и философам нечего мешаться в политику, а революционерам — забивать себе головы метафизикой и прочим мракобесием. Хуже всего то, что в этом они совершенно искренни и иное мнение им непонятно так же, как слепому до рождения непонятны рассуждения о спектре. И сегодня, взорвав Союз изнутри и пытаясь превратить обломок в «еще одну» 1001-ую политическую организацию, они — я в этом не сомневаюсь — делают это для блага России, в уверенности, что это приблизит час ее освобождения. Здесь уж ничего не поделаешь — просто та слепота к вопросам духа, которая уже два века составляет трагедию нашей цивилизации, стала сегодня трагедией солидаристского движения. Кого боги хотят наказать...

Сейчас не стоит говорить о том, что именно позволило «деловикам» занять командные места в НТС. Не хочется также выносить сор из избы, расписывая ту обстановку, которая создалась в Союзе под их управлением. Достаточно сказать, что руководство «духовников» во главе с тогда еще председателем НТС В. М. Байдалаковым²² в конце концов очутилось перед очевидным фактом вырождения и гибели организации. Только тогда оно решилось на открытое выступление (28.1.55) и одновременно, в обращении ко всем кадрам Союза, впервые со всей откровенностью информировало его о катастрофическом развале центра. В ответ на это ряд руководящих работников «опозиции», в том числе и сам Байдалаков, были обвинены в нарушении Устава, попытке захвата власти и пр. и исключены из Союза.

Итак, как мы видим, двадцатипятилетняя история НТС закончилась обычным эмигрантским финалом. Для организации, члены которой несли в мир «новую эру», это, разумеется, конец малопристойный. Нам остается только разобраться — по мере возможностей — в обломках крушения.

²² Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) — общественно-политический деятель, участник Белого движения на Юге России, хорунжий, в 1929 окончил химический факультет Белградского университета. Один из основателей молодежных организаций солидаристов, с 1930 председатель белградского отдела Национального союза русской молодежи (НСРМ), в 1933–1955 — председатель Совета НТСНП–НТС.

Об ошибках, допущенных в свое время, говорить не стоит. Кто их не делал? И кто не осуждал с легкостью чужие промахи, особенно прошлые? Но мы не можем и закрывать на все глаза — в политике нет ни всепрощения, ни всеосуждения. Теперь очевидно, что катастрофической ошибкой оказалось принятое руководством решение о переводе организации на массовые рельсы, засорившие ее ряды совершенно чуждым по духу элементом. Вместо того, чтобы перевоспитать пришельцев и «переварить» их в своей среде, Союз сам оказался ими перевоспитан. Мертвящая бюрократизация, проросшая тело Союза насквозь и убившая былой дух братства, — один их плодов этого «перевоспитания». Ошибкой было слишком поспешное заключение о политической зрелости Союза — так развалиться, как развалился он, могла или дряхлая организация, уже отжившая свое, или, наоборот, организация-недоросль, попытавшаяся взлететь на неокрепших крыльях. Союз объявил о начале своего «революционного наступления» — увы, это была попытка с негодными средствами.

Революции удаются организациям, обладающим либо мощью абсолютной беспринципности в борьбе, либо силой абсолютной принципиальности, возведенной в степень догмата. Примеров первого типа в истории очень много, второго — очень мало, и почти все они ограничиваются религиозными движениями; но, как я уже говорил, Союз меньше всего искал проторенных дорог.

Именно эта абсолютная принципиальность должна была, по замыслу, стать оружием победы солидаризма; и именно она испугала тех, кто пришел в Союз без испепеляющей жажды Нового, — всех тех, для кого еще не взошло гумилевское «солнце Духа», яростное и грозное. О непонимание, о безнадежную и неизлечимую слепоту этих людей вдребезги разбилась призрачная концепция «организации нового типа» — организации, укомплектованной не профессионалами подполья типа Ленина или Савинкова²³ и не поэтами, погруженными в мистическое созерцание «Грядущей Руси», — но новыми

²³ Савинков Борис Викторович (1879–1925) — профессиональный революционер-неонародник, один из лидеров партии эсеров, писатель, террорист, руководитель Боевой организации партии эсеров.

людьми, рыцарями духа, несущими в мир новые идеи и умеющими за них умирать. Преждевременное провозглашение этой концепции и, главное, преждевременная попытка воплотить ее в жизнь также могут быть отнесены к числу ошибок бывшего руководства бывшего НТС.

Бывший НТС. И есть НТС будущий. Три этих буквы означают, как известно, и название организации — Национально-Трудовой Союз, и название ее идеи: национально-трудоу солидаризм. И если сегодня организация уже в прошлом (уже, ибо обломки никогда не составят целого), то ее идеи — в будущем.

Возвращаясь к «организации нового типа», нужно сказать, что вся ее непривычная концепция единства противоположностей была типичным порождением и отражением духа солидаризма; и в этом причина неудачи. Союз выдвинул идею, значительно опередившую свое время, — а в истории, по-видимому, существует какое-то мощное сдерживающее начало, не позволяющее никому забегать слишком далеко вперед. В частности, вмешательством этого начала следует объяснить то, что подлинно революционные, новаторские идеи редко понимаются и принимаются современниками. Это, разумеется, очень печально для самих новаторов, но возможно, что с точки зрения историософии это вполне оправданно — иначе нарушилась бы стройность исторического процесса. То, что казалось преждевременным еще вчера, становится уместным сегодня; то, чего мы не понимаем сегодня, поймут — в несколько иной форме — наши внуки.

Новое всегда рождается в страданиях, окруженное непониманием и насмешками, но эти страдания никогда не оказываются напрасны. И сегодня, когда мы, глядя на обломки своей организации, скорбим о друзьях, отдавших за нее свои молодые жизни, — единственным утешением встанут перед нами имена других людей, в течение веков погибавших во имя конечного торжества правды, начиная с первого Новатора, распятого не понявшими Его современниками.

